

1 Общие сведения о чукотском языке и исследуемом говоре

И. А. Стенин

1.1 Введение

Чукотский язык относится к чукотско-камчатским языкам, среди которых традиционно выделяют также корякский, алыторский, керекский и ительменский. Чукотский язык распространён на крайнем северо-востоке азиатской части Российской Федерации, прежде всего на территории Чукотского автономного округа, а также в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) и в Камчатском крае.

Наименования «луораветланский язык» (вместо «чукотский язык») и «луораветланы» (вместо «чукчи»), которые использовались в 30-е гг. XX в., в настоящее время являются устаревшими в русском языке. При этом в чукотском языке общим наименованием для всех чукчей¹ является именно *łəyʔorawetʔat* (букв. ‘настоящие люди’), а для самого чукотского языка — *łəyʔorawetʔen jiləjil*. Однако в качестве самоназвания *łəyʔorawetʔat* употребляется, по нашим данным, редко. Обычно для этой цели используют названия более мелких групп, определяющих себя по территории и /или основному роду деятельности. Самым известным противопоставлением является разделение на оленных / кочевых (*sawsəwat*) и береговых / приморских (*anjqalʔət*) чукчей. Первые традиционно занимаются прежде всего оленеводством и, как следствие, кочуют по тундре вместе со стадом, вторые живут в посёлках на северном и восточном побережье Чукотки и занимаются прежде всего морским зверобойным промыслом. В настоящее время это противопоставление сохраняется, хотя и становится более условным, чем раньше.

Чукотским языком, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., владеет 5095 человек, тогда как общая численность чукчей — 15908 человек. Реальное число говорящих, по-видимому, может быть несколько менее указанного выше. Чукотский язык находится в угрожаемом положении, поскольку его передача от поколения к поколению прервана на большей территории распространения, а возраст самых молодых носителей, как правило, превышает 40 лет. В качестве языка повседневного общения в основном используется русский язык, и только в редких случаях — чукотский (например, в отдельных оленеводческих бригадах, кочующих на значительном расстоянии от ближайшего посёлка).

¹ Что касается слова *чукча*, то принято считать, что оно происходит от искажённого чукотского «чаучу» / «чавчыв» (последнее сейчас используют в качестве самоназвания оленные чукчи), адаптированного русскими землепроходцами в XVII в.

В данной главе приводятся базовые сведения о чукотском языке, его носителях, особенностях изучаемого говора, а также в ряде случаев о других чукотско-камчатских языках. **Раздел 1.2** посвящён основной информации о селе Амгуэма, говор которого лёг в основу настоящего описания. **Раздел 1.3** содержит сведения о диалектах чукотского языка, **раздел 1.4** — о социолингвистической ситуации, **раздел 1.5** — о языковых контактах, **раздел 1.6** — об этнографии чукчей, **раздел 1.7** — о генетической классификации чукотско-камчатских языков. Наконец, в **разделе 1.8** приводится краткий обзор основной литературы, посвящённой чукотскому языку.

1.2 Общие сведения о селе

Данное грамматическое описание основано на **говоре села Амгуэма**² Иультинского района Чукотского автономного округа, расположенного в континентальной части Чукотки на берегу реки Амгуэма на 91-м километре автомобильной дороги Эгвекинот — Иультин. Точных сведений об образовании села на этом месте у нас нет, однако известно, что в 1946–1947 гг. был основан посёлок на 87-м километре (сейчас он называется Дорожный), изначально функционировавший как перевалочная база Стройконторы № 2 при строительстве Иультинской трассы. Этот посёлок — под названиями «87-й километр» и «Амгуэма» — неоднократно упоминается (начиная с самых ранних записей осени 1948 г.) в полевых дневниках В. Г. Кузнецовой³, кочевавшей вместе с амгуэмскими чукчами в 1948–1951 гг. В то время в посёлке уже был магазин, баня, Дом культуры с красным уголком, так что его можно считать началом современной Амгуэмы.

Чукотское название Амгуэмы — *ʔomwaam*; наряду с этим используется также вариант *omwaam* (и как минимум на письме⁴ — *Омваан*). Во всех этих случаях местные жители переводят название как ‘широкая река’; также это слово (как название реки) переводится в работе [Меновщиков 1972: 135]. Такая трактовка сталкивается с несколькими проблемами. Во-первых, ‘широкая река’ (с инкорпорацией качественной основы в существительное) по-чукотски — *ʔum-weem* (*ʔum* ‘широкий’ + *weem* ‘река’), однако в качестве названия реки или села это слово не используется никогда. Во-вторых, чукотское слово *om-waam* (т. е. один из вариантов произношения названия) имеет буквальное значение ‘тёплая река’ (*om*- ‘тёплый’ + *weem* ‘река’), однако в качестве толкования собственного имени такой перевод отвергается всеми опрошенными носителями.

² Географические координаты: [67°02'44" с. ш. 178°52'39" з. д.](#)

³ Дневники В. Г. Кузнецовой хранятся в Научном архиве МАЭ РАН (Кунсткамеры). Нам они известны пока лишь фрагментарно из публикаций других учёных; см. прежде всего [Михайлова 2015].

⁴ Такое написание встречается, в частности, в названии праздника «Омваан кырысмын», приуроченного к Международному дню коренных малочисленных народов мира и ставшего за последние несколько лет традиционным. Внутренняя структура этого названия (соположение двух слов в словарной форме или инкорпорация?), однако, не до конца ясна.

По-видимому, исходный вариант названия относился не к реке, а к местности вдоль реки ('широкое место') и оканчивался на *-n*. На это указывают данные карт XVIII–XIX вв., где река фигурировала под названиями Омгаян, Омван, Амгуян, Амуян, Амкеян и т. п.⁵, а также особенности склонения современного названия. Имя (?)*omwaam* как название села (и шире — местности в бассейне реки Амгуэма) имеет нерегулярную косвенную основу (?)*omwaanw-*; ср. локатив (?)*omwaanwə-k* 'в селе Амгуэма'. Точно так же изменяются все слова, оканчивающиеся на *-n* или *-jan* и обозначающие то или иное место⁶. Наличие суффикса *-n(w)* с пространственным значением автоматически объясняет доминантную гармонию в названии, независимо от возможного присутствия доминантных гласных (*a*, *o* или *e₂*) во второй части компаунда. Имя (?)*omwaam* как название реки, по нашим наблюдениям, изменяется, как правило, регулярно; ср. локатив (?)*omwaamə-k* 'в реке Амгуэма'. Таким образом, предположительно произошла контаминация некоторого слова, обозначавшего место, и слова *weem* 'река'. Эта версия позволяет объяснить финальный *m* основы в тех формах, где он наблюдается, особенности склонения названия села, а также долгий гласный.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 1 января 2015 г. в сельском поселении Амгуэма⁷ проживало 435 человек. По собственным подсчётам администрации села Амгуэма, по состоянию на 1 ноября 2015 г. в селе были зарегистрированы 562 человека (включая тех, кто имел временную регистрацию); из них представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — 410 человек.

Основным занятием местных жителей традиционно является оленеводство. Часть зарегистрированных в селе до сих пор проводит бóльшую часть времени в оленеводческих бригадах, кочующих в Амгуэмской тундре. Большинство чукчей старшего и среднего поколений, проживающих постоянно в селе, также родились и выросли в тундре, до недавнего прошлого были активно вовлечены в оленеводство и сейчас стараются поддерживать связь с этой деятельностью: ездят к родственникам и знакомым в тундру, ставят летом на берегу реки в непосредственной близости от посёлка яранги, выделывают шкуры, помогают во время осеннего забоя. В селе базируется МУП СХП «Амгуэма» (среди местных жителей известно как *совхоз*), основной деятельностью которого также является оленеводство. Тем не менее сейчас те, кто постоянно проживает в Амгуэме, занимаются прежде всего рыболовством.

⁵ Схожие наблюдения независимо представлены в словаре [Леонтьев, Новикова 1989: 65], где названия реки даётся как *O'mwaan*, а элемент *-waan* возводится, со ссылкой на П. Я. Скорика, к слову *ванвын* 'место'. Подчеркнём тем не менее, что полное отрицание участия слова *weem* в образовании названия едва ли способно объяснить наличие долгого гласного. Ср. *ʔom-wanwə-k* 'в широком месте' и (?)*omwaanwə-k* 'в селе Амгуэма'.

⁶ Само слово 'место' также имеет косвенную основу на *-nw*, а в номинативе — два следующих варианта: *wanwə-n*, образованный, судя по всему, по аналогии (финальный *n* здесь — показатель номинатива, отпадающий при склонении), и нерегулярный *wanə* с финальным шва.

⁷ В настоящее время село Амгуэма не образует сельского поселения, поскольку в сентябре 2015 г. все муниципальные образования Иультинского района были объединены в городской округ Эгвекинот.

Большая часть опрошенных носителей чукотского языка родилась и выросла в Амгуэме или Амгуэмской тундре, некоторые — в других частях нынешнего Иультинского района⁸ (с. Нутэпэльмен, с. Рыркайпий, с. Ванкарем и близлежащие тундры), и лишь в отдельных случаях — в других частях Чукотки (с. Ваеги, с. Лорино, с. Энмелен).

1.3 Диалекты чукотского языка

1.3.1 Территориальные варианты

Общепринятой диалектной классификации чукотского языка не существует. Отчасти это объясняется, по-видимому, тем, что диалектные различия в принципе слабо выражены в чукотском языке, что отмечалось большинством исследователей. Несмотря на то, что в некоторых работах можно встретить те или иные прилагательные в сочетании со словом «диалект» применительно к чукотскому языку (например, «нунлигранский», «чаунский», «энмылинский», «энурминский» и др. в грамматике П. Я. Скорика), речь, как правило, идёт просто о конкретных идиомах, названных так по посёлку или местности. Выделяемые со времён В. Г. Богоразы «восточный» и «западный» диалекты также обычно не имеют чёткого определения и надёжных дифференциальных признаков.

В статье [Пупынина 2013] утверждается, что есть некоторые свидетельства существования двух отличных от общей массы региональных вариантов чукотского языка: хатырского (или, возможно, хатырско-ваежского) говора и колымского говора. О первом известно, что в нём, среди прочего, несколько отличается от общечукотской парадигма полиперсонального спряжения [Молл, Инэнликэй 1957]; о втором существует некоторая литература; см. подробнее [Пупынина 2018], где отмечаются небольшие отличия этого говора от говоров Чукотского автономного округа на всех уровнях. В статье [Пупынина 2013: 251] подчёркивается, что ареалы кочевий хатырских и колымских чукчей «находились на некотором удалении от основного места обитания большинства чукчей», под которым имеется в виду территория между реками Колыма и Анадырь, причём на эти кочевья чукчи переселились позднее всего (к югу от реки Анадырь — начиная со второй половины XVIII в.; к западу от реки Колыма — во второй половине XIX в.), но с тех пор кочевали по одним и тем же местам.

⁸ После объединения в 2008 г. Иультинского и Шмидтовского районов Иультинский район занимает огромную площадь (около ½ всей площади округа), однако включает лишь следующие населённые пункты с ненулевым населением: Амгуэма, Ванкарем, Конергино, Мыс Шмидта, Нутэпэльмен, Рыркайпий, Уэлькаль, Эгвекинот. При этом, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, всё население городского округа Эгвекинот по состоянию на 1 января 2018 г. составляло 4734 человека, включая 1695 человек сельского населения.

В работе [Пупынина 2018: 114ff.] автор уточняет собственную классификацию и делит чукотскую языковую общность на три ареала: западный, восточный и южный. К группе говоров западной зоны в статье относятся «говоры колымских чукчей Якутии, омонских чукчей ЧАО и говор аякинских⁹ чукчей Камчатского края» [ibid.: 115]. К южной зоне, согласно М. Ю. Пупыниной, принадлежат говоры сёл Ваеги и Хатырка на юге Анадырского района ЧАО и предположительно говоры чукчей севера Олюторского района Камчатского края (в статье называется только с. Ачайваам). К восточной зоне, таким образом, относятся говоры чукчей почти всех районов ЧАО, кроме западной части Билибинского и южной части Анадырского районов; см. карту в [Пупынина 2018: 114]. Относительное единообразие языковых вариантов восточной зоны, по-видимому, связано с отсутствием непреодолимых географических препятствий на большей части этой огромной территории, мобильным характером оленеводческой деятельности и интенсивными контактами между оленными и береговыми чукчами на протяжении столетий.

Говор амгуэмских чукчей относится в статье [Пупынина 2013] к так называемому «центральному» ареалу. Прежние маршруты кочевий амгуэмских чукчей простирались от побережья Чукотского моря в районе Ванкаремской тундры¹⁰ на востоке до рек Вульвьеве (так называется верховье Амгуэмы) и Большая Осиновая на западе. Основной цикл хозяйствования при этом приходился на территорию в среднем течении реки Амгуэма и бассейне реки Экитыки (левого и крупнейшего притока Амгуэмы). Летом оленеводы двигались на восток, ближе к морю, а зимой уходили в глубь¹¹ материка.

С учётом такого «центрального» положения амгуэмский говор, наверное, мог бы считаться репрезентативным для суждений о говорах восточной зоны в целом — по крайней мере в плане морфологии, — однако не стоит недооценивать вероятность существенных диалектных различий в синтаксисе, до настоящего времени наименее изученной области чукотской грамматики. Что касается различий в фонетике (произношении) и лексике, то это, как правило, первое, на что обращают внимание не только лингвисты, но и сами носители. Зачастую люди склонны преувеличивать подобные различия. Примеры же их хорошо известны и на самом деле немногочисленны. Ограничимся здесь самой избитой иллюстрацией: амгуэмские чукчи говорят *manet* ‘деньги’¹² (ед. ч. *maneman*), но при этом хорошо осведомлены, что жители Канчалана, Усть-Белой и других южных посёлков говорят *kelitʔut* (мн. ч. *kelitʔuti*), буквально ‘кусочек бумаги’.

⁹ Село Аянка находится на севере Пенжинского района Камчатского края.

¹⁰ Как следует из полевых дневников В. Г. Кузнецовой, в начале сентября проходила также Ванкаремская ярмарка, где оленные и береговые чукчи могли приобрести друг у друга необходимые товары.

¹¹ По крайней мере некоторые амгуэмские чукчи, с которыми мы общались, соотносят себя именно с эндоэтнонимом *onmʔət* ‘люди, живущие в глубинных частях Чукотки’ (ср. (i)), хотя в этнографической литературе определение «онмылинские» указывает на группу канчаланских чукчей.

(i) *onmʔ-ʔə-more* *muri*

глубокий-ATTR-NP.1PL мы

‘Мы с срединной тундры’.

¹² Это заимствование из английского; подробнее о заимствованиях из английского в чукотском и эскимосских языках Чукотки см. в статье [de Reuse 1994a].

1.3.2 Гендерные варианты

Говоря о чукотских диалектах, мы не можем не упомянуть такую яркую черту чукотского языка как существование гендерных диалектов, или гендерлектов, — мужского и женского, различающихся в основном произношением определённых фонем в определённых морфемах или словах. Так, например, слову *mren* ‘комар’ в женском произношении соответствует *m̄sen* [m̄sɛn], морфеме *-rkən* (IPFV) — *-ccən* и т. п. Достаточно подробное описание женского произношения дано в [Dunn 1999: 25–32]¹³; см. также статью [Dunn 2014] о типологии гендерных диалектов. М. Данн приходит к выводу, что соответствия между мужским и женским произношением носят характер регулярных звуковых изменений, причём женский чукотский оказывается в этом аспекте ближе, например, к паланскому корякскому, чем к мужскому чукотскому. Приведём его таблицу соответствий.

Таблица 1. Рефлексы согласных в чукотско-корякских языках [Dunn 2014: 55]

Фонема	Алютор.	Палан. коряк.	Женский чукот.	Муж- ской чу- кот.	Чав- чувен.	Керек.
*t	t/tʃ	t/tʃ	t	t	t	t/tʃ
*ð	t/tʃ	t/tʃ	ts ¹⁴	r	j/tʃ	j
*r	r	r	r	r	j/tʃ	j
*s	s	ts	ts	s	tʃ	tʃ
*j	j	j	j	j	j/tʃ	∅/j

Согласно М. Данну, такое положение вещей может свидетельствовать о субстратном влиянии некоторого чукотско-корякского идиома либо на мужской, либо на женский чукотский, причём по экстралингвистическим причинам¹⁵ более вероятен последний вариант. Проблема заключается лишь в том, что ни в одном другом из засвидетельствованных чукотско-корякских диалектов *ð не дало в качестве рефлекса *ts.

Как бы то ни было, в современном амгуэмском чукотском различия между мужским и женским произношением по сути нивелированы в пользу мужского; подробнее см. раздел «Фонетика». Это касается прежде всего основополагающего противопоставления /r/ – /ts/, а также /s/ – /ts/. Альтернатива /r/ ~ /t/ на конце ряда наречий и частиц, не являющаяся диагностической, существует, однако и мужчины, и большинство женщин предпочитают вариант с /t/ на конце, являющийся,

¹³ В предшествующих работах женское произношение в лучшем случае лишь кратко упоминается; см. [Богораз 1899: 274–275; Vogoras 1922: 665–666; Скорик 1961: 33].

¹⁴ Здесь и далее в этом разделе под этим символом имеется в виду аффриката. В практической транскрипции мы при необходимости обозначаем эту фонему как *c*, тогда как *ts* соответствует последовательности двух фонем — /t/ и /s/.

¹⁵ В пользу этого варианта говорят данные истории и этнографии: известно, что в чукотском обществе именно жена, как правило, переходит в ярангу мужа, при этом зачастую чукотские мужчины брали жену не просто из другого рода, но совсем с чужой (в первую очередь, корякской) территории.

согласно М. Данну, «более женским», т. е. при элицитации и в текстах гораздо более частотны *q(ə)nut* ‘будто’, *tuut* ‘вдруг’ и *janot* ‘сначала’, чем *q(ə)nur*, *tuur* и *janor*. Что касается слова ‘да’, то оно в амгуэмском чукотском одно — *ii*, тогда как в телькепском чукотском, согласно М. Данну [Dunn 1999: 31], *ii* используют лишь женщины, а мужчины говорят *eej*. В амгуэмском чукотском существует междометие *eyej* ‘ладно!’, однако его опять же используют как мужчины, так и женщины.

Различия между нашими данными и данными М. Данна в плане женского произношения, по крайней мере в области противопоставления /t/ – /ts/ и /s/ – /ts/, по видимому, не связаны ни с какими территориальными диалектными различиями, а связаны лишь с тем, что М. Данн работал на Чукотке на два десятилетия раньше нас и успел застать среду, в которой жили в том числе монолингвы. Распространение повсеместного школьного образования, а также теле- и радиовещания, основанного исключительно на мужском произношении, привело к тому, что женское произношение и «женский диалект» практически вышли из употребления. Стоит предполагать, что ранее женское произношение было распространено по всей Чукотке, в том числе среди амгуэмских чукчей. На это указывают и собственные воспоминания амгуэмских женщин. Ср. также следующий фрагмент рассказа, в котором одна из наших информанток старшего поколения цитирует прямую речь своей матери, используя женское произношение. В мужском (а сейчас — общем) произношении морфемы, содержащие выделенные полужирным фонемы, выглядели бы как *qəɾəm*, *-rkən* и *-sy* (основной вариант — *-isy*) соответственно.

- (1) *emʔim qəcəm ʔetki ʔetki*
 где.EMPH NEG.FUT плохо плохо
t-ʔenq-eə-ccən jay-male-cc-o itə-k
 1SG.S/A-не.хотеть-VB-IPFV ступня-вытирать-MAT-EQU являться-INF
 ‘Ой, я тогда не буду, не хочу, чтобы об меня вытирали ноги’ (букв. не хочу быть половой тряпкой)¹⁶ (текст «Очередь», предложение 9).

1.4 Социолингвистическая ситуация

Как уже отмечалось в разделе 1.1, чукотский язык находится в угрожаемом положении. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., доля заявивших о владении чукотским языком от общей численности чукчей составляет 32 %¹⁷, тогда как в 2002 г. этот показатель составлял 49 %; в 1989 г. в качестве родного назвали чукотский 70 % чукчей, а в 1959 г. — 94 %. Даже эти скупые цифры, вызывающие множество вопросов и с трудом поддающиеся интерпретации, не-

¹⁶ Речь идёт о том, что в прежние времена стоять в очереди за водкой на Первом (в Эгвекиноте) было неприятно и даже небезопасно, и мать рассказчицы, узнав об этом, отказывается от поездки туда.

¹⁷ Ещё раз подчеркнём, что к этому числу стоит относиться критически, так как, скорее всего, доля говорящих ещё ниже.

опровержимо свидетельствуют о том, что чукотский язык претерпевает в последние десятилетия языковой сдвиг. С уходом каждого поколения язык теряет значительную часть носителей и, по-видимому, уже практически не приобретает новых.

Причинами языкового сдвига на начальном этапе, как и во многих других местах на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, являются, судя по всему, коллективизация, укрупнение посёлков и насильственное переселение значительной части населения с традиционных мест обитания, а также создание школ-интернатов, в которых дети учились в течение всего учебного года в отрыве от родителей, привычного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Крайне тяжёлая социально-экономическая обстановка, сложившаяся на Чукотке в 1990-е гг., не могла не ускорить процесс языкового сдвига. Русским языком владеет абсолютное большинство чукчей¹⁸. Среди амгуэмских чукчей монолингвы, владеющие лишь чукотским языком, единичны и встречаются только в группе носителей старше 75 лет, проживающих в оленеводческих бригадах в тундре.

Чукотский язык имеет официальный статус только в Республике Саха (Якутия). В Чукотском автономном округе и в Камчатском крае статус чукотского языка никак не регламентирован. Чукотский язык преподаётся в ряде школ ЧАО, обычно с 1 по 9 класс в объёме не более 2 часов в неделю, однако решение о преподавании чукотского языка принимается администрацией школы и родителями учащихся. В Республике Саха (Якутия) преподавание чукотского языка ведётся в школах пгт. Черский и с. Колымское. Чукотский язык преподаётся в Институте народов Севера РГПУ имени А. И. Герцена¹⁹. В качестве языка обучения не используется.

Чукотский язык является младописьменным. Первая официальная²⁰ письменность на основе латиницы появилась в начале 1930-х гг. В 1932 г. при непосредственном участии П. Я. Скорика и В. Г. Богораза был издан первый букварь — «*Čelǵ-Kalekal*» («Красная грамота»). В 1937 г. алфавит был переведён на кириллическую основу, впоследствии ещё неоднократно дополнялся новыми символами. На чукотском языке издаётся художественная, публицистическая и учебная литература. Опубликованы два перевода Евангелия от Луки: [Таҥпыҥыҥь Луқанэн 2003] и диглотта [Таҥпыҥыҥь Луқанэн 2017]²¹. Говорить о существовании литературного языка можно лишь условно²².

¹⁸ О фонетических особенностях русской речи чукчей в области консонантизма см. [Зибер 2018].

¹⁹ По данным [Пупынина 2016], чукотский язык преподаётся также в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.

²⁰ Ранние попытки создания чукотской письменности предпринимались миссионерами Русской православной церкви с начала XIX в. Существовали также попытки создания логографического письма самими чукчами. Наибольшую известность получила система письма, которую изобрёл в 1920-е гг. пастух Тыневиль; подробнее см. [Давыдова 2015] и цитируемую там литературу.

²¹ Филологическими редакторами второго издания выступили Л. С. Выквырагтыргыргына и Д. Г. Тальпыгыргына, наши информанты. Л. С. Выквырагтыргыргына родилась в Рыркайпийской тундре, однако её родители родом из Амгуэмской тундры. Д. Г. Тальпыгыргына родилась и выросла в Амгуэме.

²² Тем не менее мы в рамках данного описания позволим себе — ещё более условно — относить к «литературному чукотскому» любые языковые данные, о диалектной атрибуции которых нет точных сведений и/или которые ориентируются на «академическую» грамматику П. Я. Скорика и/или которые прошли серьёзное литературное редактирование (последнее относится практически к любым опубликованным текстам).

На чукотском языке под названием «Мургин нутэнут» («Наш край») ежемесячно выходит приложение к газете «Крайний Север» (ранее существовало как самостоятельное издание, с 1953 по 1990 г. — под названием «Советкэн Чукотка»)²³. На чукотском языке ведётся телевизионное вещание (новостные программы ГТРК «Чукотка», 3 раза в неделю, всего около 75 минут), а также радиовещание (программы Чукотского окружного радио, выходящие на частоте Радио России, всего около 85 минут в неделю).

В Анадыре функционирует общественная организация «Чычеткин вэтгав» («Родное слово»), осуществляющая в том числе деятельность по сохранению чукотского языка. Подробнее о социолингвистической ситуации см. энциклопедическую статью [Пупынина 2016].

1.5 Языковые контакты

Различные исследователи отмечали, что ранее, в частности, во второй половине XIX века чукотский язык служил на Чукотке и в северо-восточной Якутии языком-посредником (*lingua franca*); см., например [Богораз 1934а: 10; Вахтин 2016: 16–17]. Приморские чукчи Чукотского полуострова практически никогда не владели эскимосскими языками, в то время как эскимосы почти всегда знали чукотский. В ряде якутских посёлков до сих пор распространено многоязычие и встречаются люди, владеющие несколькими языками из множества {русский, чукотский, эвенский, юкагирский, якутский}.

В исторический период известны контакты чукотского языка с английским (в настоящее время отсутствуют), русским (наиболее активны в течение последнего столетия), коряжскими диалектами (прежде всего на юге чукотского ареала), эскимосскими языками (на Чукотском полуострове, в настоящее время практически отсутствуют), а также с языками западных соседей: эвенским, юкагирским, якутским (прежде всего на северо-востоке Якутии)²⁴. Ранее на Чукотке существовали также контактные языки. Так, в статье [de Reuse 1996] описываются три пиджина, использовавшихся на Чукотке в конце XIX в. при торговле и обмене: один из них был основан на эскимосской лексике с большим количеством чукотских заимствований, второй представлял собой «упрощённый» чукотский язык, третий опирался на английский словарь.

Контакты чукотского с эскимосскими языками освещаются, в частности, в работах [Comrie 1996; de Reuse 1994b]. Принято считать, что в этой зоне происходило прежде всего влияние чукотского на эскимосские языки, в первую очередь — чаплинский и науканский. Так, например, в грамматике «языка азиатских эскимосов»

²³ В разные годы в «Мургин нутэнут» публиковались также материалы на эскимосском и эвенском языках. Ср. также сайт данного проекта: <http://www.ks87.ru/108/>.

²⁴ Карты языков Чукотки и сопредельных территорий с указанием распространения языков коренных малочисленных народов и абсолютного числа носителей по данным последней переписи населения доступны здесь: <https://jirzik.livejournal.com/850.html>. Авторы карт: Ю. Б. Коряков и М. Ю. Пупынина.

Г. А. Меновщикова [Меновщиков 1967] упоминается более 50 наречий, дискурсивных и модальных частиц и союзов, заимствованных из чукотского в эскимосские. Вместе с тем периодически высказываются гипотезы, согласно которым абсолютивно-эргативная стратегия падежного маркирования возникла в чукотском благодаря контактному или субстратному эскимосскому влиянию.

Влияние английского на чукотский исчерпывается, как кажется, лексическими заимствованиями (ср. *kenti-t* ‘конфеты’ от англ. *candy*, *krəsmə-n* ‘праздник’ от англ. *Christmas*, *mane-t* ‘деньги’ от англ. *money*, *sop* ‘мыло’ от англ. *soap*); выше уже упоминалась работа [de Reuse 1994a], посвящённая этой теме. Влияние корякских (а возможно, и алюторских) идиомов, по-видимому, вызвало небольшие изменения в парадигме полиперсонального спряжения в хатырском говоре (о них см. [Молл, Инэнликэй 1957], о контактном влиянии — [Пупынина 2013]), а также — гипотетически — способствовало появлению в чукотском «женских диалектов» (см. раздел 1.3.2 и [Dunn 1999]). Чукотско-корякские языковые контакты остаются практически неизученной темой, что связано с тем, что южные чукотские говоры и северные корякские говоры в принципе почти не описаны.

Что касается русского влияния на чукотский, наиболее остро ощущаемого в последние полстолетия, трудность его фиксации связана с тем, что процесс языкового сдвига находится сейчас на достаточно поздней стадии. Наш опыт показывает, что более молодые носители и/или носители, прошедшие значительную часть детства вдали от родины, например, в санаторно-лесных школах, и освоившие чукотский язык во второй раз уже в сознательном возрасте, как правило, чаще прибегают к переключению кодов, реже используют инкорпорацию, дискурсивные показатели (например, энклитику =*ʔəm*), более склонны к поверхностному выражению местоименных аргументов, индексированных в предикатной словоформе (см. собранные тексты), более подвержены фонетической интерференции, вызванной русским (подробнее см. раздел «Фонетика»), чем наиболее компетентные носители. Таким образом, контактное влияние русского языка на чукотский сопряжено в настоящий момент с постепенной утратой чукотского языка и переходом на русский.

В чукотском, разумеется, существует небольшое число ранних лексических заимствований из русского (например, *saj* (мн. ч. *saj-te*) ‘чай’, *saqar* (мн. ч. *saqar-te*) ‘сахар’, *taaq* ‘табак’), а также целый ряд заимствований, освоенных в советский период. Новые заимствования возникают до сих пор и быстро встраиваются в общую систему, обрастая чукотскими суффиксами; ср. *watsapə-tko-k* (WhatsApp-ITER-INF) ‘общаться, используя приложение «WhatsApp»’.

В собранных нами текстах можно заметить использование отдельных русских союзов и частиц: *a*, *vom*, *u*, *nu*, *əto*. Обычно это свидетельство переключения кодов, однако союз *i* уже можно считать по сути заимствованным. В газетных текстах и во многих опубликованных фольклорных материалах можно встретить примеры синтаксического калькирования. Контактное влияние русского языка на чукотский заслуживает особого внимания. На данный момент нам неизвестны специальные работы на эту тему.

1.6 Сведения об этнографии

Традиционное хозяйство чукчей представлено двумя основными типами: транспортное и мясное оленеводство у кочевых чукчей и морской зверобойный промысел у береговых. Рыболовство, охота и собирательство у обеих групп играют вспомогательную роль. Чукотское оленеводство является упряжным, для него характерны также отсутствие пастушеской собаки²⁵, отсутствие доения и использование длинной узкой дугокопильной нарты [Василевич, Левин 1951]. Считается, что чукотское оленеводство имеет позднее происхождение, а до его появления основным видом деятельности была охота на дикого оленя. Среди береговых чукчей распространено также транспортное собаководство.

Традиционным переносным жилищем является яранга (чук. *jara-ŋə*), имеющая купольную форму; диаметр — 4,5–7,5 м, высота в центральной части — 3–4,5 м. Каркас яранги, как правило, деревянный (у береговых чукчей мог быть сделан из китовых костей), крышка (чук. *retem*) — из оленьих шкур (у береговых чукчей иногда из моржовых шкур). Внутреннее пространство яранги делится на жилую часть — полог (чук. *joro-ŋə*), спальное помещение в форме параллелепипеда (обычный средний размер, согласно В. Г. Богоразу [Богораз 1991: 104], составляет 1,4 м в высоту, 2,1 м в ширину, 3,7 м в длину), сделанное из шкур и обогреваемое жирником, — и хозяйственную неотапливаемую часть (*sot-tayən*, букв. часть перед подушкой).

Традиционная одежда также делается из шкур, причём вся зимняя одежда двойная — мехом внутрь и мехом наружу. Мужская верхняя одежда представляет собой меховую рубаху глухого (нераспашного) типа и свободного покроя, с воротником, но без капюшона, называемую кухлянкой (чук. *irʔə-n*), и штаны (чук. *qonay-te*), наружная часть которых шьётся из камусов. У женщин распространён меховой комбинезон (чук. *ker-ker*) длиной до колен.

Как минимум до середины XX в. у чукчей была распространена полигамия и «товарищество по жене», а также левират. Среди стариков встречался обычай добровольной смерти. Исконные верования чукчей основаны на анимизме, распространены были шаманы и шаманские практики²⁶, а также мухомороедение (см., например, текст «Мухоморы»). Чукотские женщины зачастую делали себе татуировки (см. текст «Ворон и лис»).

Из искусств получили распространение резьба по кости и клыку, в том числе с последующей гравировкой, танцы, горловое пение и горлохрипение. Праздники и оленных, и приморских чукчей привязаны, как правило, к хозяйственному циклу. В настоящее время возникают также новые праздники, быстро завоёвывающие популярность, как например, Э'рабор (ср. одноимённый текст).

²⁵ В настоящее время чукчи используют при пастыбе собак, однако ненецкие оленегонные лайки были завезены на Чукотку лишь в середине XX в.

²⁶ В последнее время на Чукотке распространены различные баптистские течения, так что многие современные чукчи являются христианами.

Основным источником сведений о традиционной культуре чукчей были и остаются фундаментальные труды В. Г. Богораза: трёхтомное монографическое описание «The Chukchee» [Bogoras 1904; 1907; 1909] (ср. также авторизованный русский перевод [Богораз 1934а; 1939; 1991]) и книга [Bogoras 1910]. Об истории и исторической этнографии чукчей с середины XVII в. до середины XX в. можно узнать также из книги [Вдовин 1965], о военном деле чукчей см. [Нефёдкин 2017]. Специально об амгуэмских чукчах существует подробная статья В. Г. Кузнецовой [Кузнецова 1957], посвящённая праздникам и обрядам. Богатый материал о культуре и быте амгуэмских чукчей в середине XX в. содержится также в неопубликованных полевых дневниках В. Г. Кузнецовой, хранящихся в Архиве МАЭ РАН (Кунсткамеры)²⁷; определённое представление об их характере можно получить из книги [Михайлова 2015].

1.7 Генетическая принадлежность

Классификация чукотско-камчатских языков, к которым обычно относят чукотский, корякский, керекский, алюторский и ительменский, оспаривается рядом исследователей, считающих, что ительменский язык не связан генетически с чукотско-корякскими (т. е. всеми остальными чукотско-камчатскими). Такая точка зрения встречается прежде всего в работах А. П. Володина; ср. [Володин 1997], где кратко излагаются оба альтернативных взгляда. Согласно традиционной точке зрения, классификация чукотско-камчатских языков устроена следующим образом:

- чукотско-корякская ветвь:
 - чукотский язык;
 - корякский язык (1665 носителей, по данным последней переписи);
 - алюторский язык (несколько десятков носителей);
 - керекский язык (†);
- ительменская ветвь:
 - ительменский язык (западно-ительменский, ≤ 10 носителей);
 - восточно-ительменский язык (†);
 - южно-ительменский язык (†).

В последние годы вышли два сравнительных словаря чукотско-камчатских языков [Мудрак 2000; Fortescue 2005]. Мы не берёмся судить об убедительности предложенных в этих работах реконструкций. Наиболее надёжными на настоящий момент, по-видимому, остаются реконструкции уровня чукотско-корякского языка, предложенные в диссертации [Муравьёва 1979].

В соответствии с рефлексами прафонемы, которая обозначается как *d в [Муравьёва 1979] и как *δ в [Dunn 2014], чукотско-корякские языки традиционно делятся на три группы: 1) *r*-диалекты (чукотский язык); 2) *j*-диалекты (керекский язык,

²⁷ См. также чукотский раздел фотоархива МАЭ РАН (Кунсткамеры), в котором большую часть занимают фотографии из экспедиции В. Г. Кузнецовой 1948–1951 гг. Архив доступен онлайн по ссылке <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?ethnos=3496405&fund=44>.

а также некоторые корякские диалекты, в частности, чавчувенский); 3) *t*-диалекты (собственно алюторский, а также некоторые корякские диалекты, в частности, паланский); см. выше таблицу 1. Подробнее о классификации многочисленных корякских и алюторских диалектов, образующих по сути диалектный континуум, см. статью [Муравьёва 2013].

1.8 Существующие исследования и источники

Первые контакты русских землепроходцев с чукчами начались в первой трети XVII в. Ранние наблюдения над чукотским языком обобщены в работе [Radloff 1861]; см. об этом периоде также [Вдовин 1954; Вдовин, Терещенко 1959].

В конце XIX в.²⁸ фундаментальные исследования среди колымских чукчей осуществляет В. Г. Богораз, находившийся в этот период в ссылке в Колымском округе. В 1900–1901 гг. В. Г. Богораз продолжает свои исследования на Камчатке, в Анадырском крае и на Чукотском полуострове уже в рамках Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции, изучая язык и этнографию не только чукчей, но и коряков, ительменов и эскимосов. Среди основных результатов его собственно лингвистических исследований²⁹ можно назвать следующие работы:

- [Богораз 1899] — текст на чукотском языке с подстрочным переводом на русский и последующим грамматическим разбором всех форм, а также приложением образцов именного склонения, глагольного спряжения и предварительных замечаний о фонетике;
- [Богораз 1900] — собрание чукотского фольклора, в том числе 48 текстов на чукотском, записанных в колымский период, с подстрочным переводом на русский;
- [Bogoras 1910] — собрание чукотского фольклора, в том числе более 50 текстов на чукотском, записанных в 1900–1901 гг., с подстрочным переводом на английский;
- [Bogoras 1922] — сопоставительная грамматика чукотского, корякского и ительменского языков;
- [Богораз 1934b] — грамматический очерк чукотского языка;
- [Богораз 1937] — чукотско-русский словарь, организованный по морфемному принципу (содержит словарь префиксов, словарь словообразовательных суффиксов и корневой словарь), с приложением краткого очерка грамматики.

Последующие монографические описания чукотского языка включают двухтомную «академическую» грамматику П. Я. Скорика [Скорик 1961; 1977] и непубликованную диссертацию М. Данна [Dunn 1999]. Описание П. Я. Скорика

²⁸ В. Г. Богораз находился в ссылке с 1890 по 1898 год. Основные исследования проводились им с 1895 по 1897 год в рамках Якутской (Сибиряковской) экспедиции.

²⁹ Мы ограничиваемся здесь перечислением основных работ В. Г. Богоразы по чукотскому языку. Из других его лингвистических трудов заслуживает упоминания собрание корякских текстов [Bogoras 1917].

опирается прежде всего на «восточный говор», под которым, судя по всему, необходимо понимать говор(ы) Чукотского полуострова, хотя и содержит отдельные упоминания резко отличающихся особенностей других говоров, в основном — хатырского (в разделе, посвящённом глагольному согласованию). В целом, однако, грамматика П. Я. Скорика носит скорее пандиалектный характер³⁰ и может рассматриваться как своего рода попытка создания языкового стандарта³¹ для чукотского языка. Диссертация М. Данна опирается на говор телькепских (туманских) чукчей, кочевавших ранее южнее реки Анадырь, но севернее, чем хатырские чукчи. М. Данн вёл работу прежде всего с носителями, проживающими в с. Тавайваам (с 2006 г. входит в состав городского округа Анадырь), однако он также работал в сёлах Алькатваам, Канчалан (оба села находятся в Анадырском районе) и в городе Анадырь.

Многочисленные статьи В. П. Недялкова и его соавторов (П. И. Инэнликэя, И. Ш. Козинского, М. С. Полинской, В. Г. Рахтилина и др.), посвящённые различным аспектам чукотской грамматики (всего 24 работы, упомянем самые известные — [Инэнликэй, Недялков 1967; Инэнликэй, Недялков, Холодович 1969; Недялков 1982; Недялков и др. 1983; Недялков и др. 1984; Nedjalkov 1976; 1979; 1994; 2007; Nedjalkov et al. 1997; Kozinskij, Nedjalkov, Polinskaja 1988; Polinskaja, Nedjalkov 1987]), основываются, насколько нам известно, на анализе опубликованных текстов и работе с двумя носителями чукотского языка: П. И. Инэнликэем и В. Г. Рахтилиным³².

В последние десятилетия изучением чукотского языка в полевых условиях занимались прежде всего Ш. Венстен (в основном в Анадыре), Т. Куребито (нам неизвестно, где именно) и М. Ю. Пупынина (практически по всей Чукотке, а также в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) и в с. Аянка Камчатского края). Работы других учёных, посвящённые чукотской грамматике, — Дж. Бобалика, А. П. Володина, М. Кенстовича, Б. Комри, И. А. Муравьёвой, Э. Спенсера, М. Фортескью и др., — в том числе монографические [Krause 1980; Kämpfe, Volodin 1995; Muravyova, Daniel, Zhdanova 2001], насколько нам известно, опираются на вторичные данные³³.

Из существующих словарей в данной работе использовались прежде всего следующие два: чукотско-русский словарь [Молл, Инэнликэй 1957; 2005], содержа-

³⁰ Первое знакомство П. Я. Скорика с чукотским языком состоялось в Уэлене, куда он был направлен для работы учителем. Впоследствии он работал и в других местах, в том числе в Анадыре. В целом грамматика П. Я. Скорика содержит богатейший языковой материал, собранный во время работы на Чукотке в 1928–1930 и 1932–1934 гг., а также во время специальных экспедиций 1948, 1954, 1955, 1956 гг.

³¹ Необходимо отметить, что впоследствии «у Скорика» или «по Скорику» училась в Институте народов Севера в Ленинграде большая часть чукотской интеллигенции, и имя П. Я. Скорика до сих пор является на Чукотке легендарным.

³² Про П. И. Инэнликэя известно, что он родился в Чаунской тундре, а учился в Певеке; относительно происхождения и диалекта В. Г. Рахтилина у нас нет данных.

³³ Фонетические исследования на Чукотке проводил как минимум А. С. Асиновский — в 1981 г. в с. Лорино. Результаты его работы изложены в [Асиновский 1991; 2003].

щий около 8000 слов, и недавно опубликованный чукотско-французско-англо-русский словарь [Венстен 2015]³⁴, включающий более 30 тысяч словарных входов. Правда, в отличие от [Богораз 1937], эти словари организованы по алфавитному принципу. Опубликованные художественные и фольклорные тексты насчитывают, согласно некоторым исследователям [Пупынина 2016], около 200 изданий.

Таким образом, несмотря на то, что чукотский язык нельзя назвать слабо изученным, несомненно ощущается недостаток новых данных, полученных «в поле» от носителей языка, который призвано отчасти восполнить настоящее описание.

1.9 Литература

- Асиновский А. С. (1991). *Консонантизм чукотского языка*. Л.: Наука.
- Асиновский А. С. (2003). *Сопоставительная фонетика чукотско-камчатских языков*. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН. (Дисс. ... д.ф.н.)
- Богораз В. Г. (1899). Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранных в колымском округе В. Г. Богоразом // *Известия Императорской академии наук*, Т. X, № 3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 270–318.
- Богораз В. Г. (1900). Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в колымском округе В. Г. Богоразом. Часть I-ая: образцы народной словесности чукочь (тексты с переводом и пересказы) // *Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова*. Отдѣлъ III. Томъ XI. Часть III. С.-Петербургъ: Типография Императорской Академии Наукъ.
- Богораз В. Г. (1934а). *Чукчи. Часть I*. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР.
- Богораз В. Г. (1934б). Луораветланский (чукотский) язык // Крейнович Е. А. (отв. ред.). *Языки и письменность палеоазиатских народов*. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 5–46.
- Богораз В. Г. (1937). *Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь*. М.; Л.: Учпедгиз.
- Богораз В. Г. (1939). *Чукчи. II. Религия*. Л.: Издательство Главсевморпути.
- Богораз В. Г. (1991). *Материальная культура чукчей*. М.: Наука.
- Василевич Г. М., Левин М. Г. (1951). Типы оленеводства и их происхождение // *Советская этнография*. № 1. 63–87.
- Вахтин Н. Б. (2016). *Языки Сибири и Севера: Материалы к учебнику*. СПб.: Нестор-История.
- Вдовин И. С. (1954). *История изучения палеоазиатских языков*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Вдовин И. С. (1965). *Очерки истории и этнографии чукчей*. М.; Л.: Наука.
- Вдовин И. С., Терещенко Н. М. (1959). *Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков*. Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Венстен Ш. (2015). *Чукотско-французско-англо-русский словарь*. В 3-х томах. Анадырь.
- Володин А. П. (1997). Чукотско-камчатские языки // Володин А. П., Вахтин Н. Б., Кибрик А. А. (ред.). *Языки мира. Палеоазиатские языки*. М.: Индрик, 12–22.
- Зибер И. А. (2018). Фонетическая интерференция в русской речи чукчей // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. Выпуск 1(19). 9–19.
- Инэбликэй П. И., Недялков В. П. (1967). Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке // Жирмунский В. М. (отв. ред.). *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов*. Л.: Наука, 246–260.

³⁴ Словарь издан тиражом 50 экземпляров и практически недоступен за пределами Чукотки, однако на сайте Ш. Венстена (<http://charles.weinstein.free.fr>) можно найти весьма подробный тематический словарь, а также богатые наблюдения над тонкостями чукотской грамматики.

- Инэнликэй П. И., Недялков В. П., Холодович А. А. (1969). Каузатив в чукотском языке // Холодович А. А. (отв. ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука, 260–269.
- Кузнецова В. Г. (1957). Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // *Труды Института этнографии. Новая серия*. Т. XXXV. М.; Л. 263–326. (Сибирский этнографический сборник. Выпуск II).
- Леонтьев В. В., Новикова К. А. (1989). *Топонимический словарь Северо-Востока СССР*. Магадан: Магаданское книжное издательство.
- Меновщиков Г. А. (1967). *Грамматика языка азиатских эскимосов. Часть вторая: глагол, причастие, наречия, служебные слова*. Л.: Наука.
- Меновщиков Г. А. (1972). *Местные названия на карте Чукотки: краткий топонимический словарь*. Магадан: Магаданское книжное издательство.
- Михайлова Е. А. (2015). *Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг.* СПб.: МАЭ РАН.
- Молл Т. А., Инэнликэй П. И. (сост.). (1957). *Чукотско-русский словарь*. Л.: Учпедгиз.
- Молл Т. А., Инэнликэй П. И. (2005). *Чукотско-русский словарь: Пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений*. СПб.: Просвещение.
- Мудрак О. А. (2000). *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М.: Языки русской культуры.
- Муравьёва И. А. (1979). *Сопоставительное исследование морфологии чукотского, корякского и алюторского языков*. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. (Дисс. ... к. ф. н.)
- Муравьёва И. А. (2013). Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. IX. Ч. 3 / Вахтин Н. Б., Перехвальская Е. В. (ред.). *Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки*. СПб.: Наука, 218–244.
- Недялков В. П. (1982). Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим // Кацнельсон С. Д. (отв. ред.). *Категория субъекта и объекта в языках различных типов*. Л.: Наука, 135–153.
- Недялков В. П., Инэнликэй П. И., Недялков И. В., Рахтилин В. Г. (1984). Значение и употребление чукотских видо-временных форм // Бондарко А. В. (отв. ред.). *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Л.: Наука, 200–260.
- Недялков В. П., Инэнликэй П. И., Рахтилин В. Г. (1983). Результатив и перфект в чукотском языке // Недялков В. П. (отв. ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 101–109.
- Нефёдкин А. К. (2017). *Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия*. М.: Язуз: Эксмо.
- Пупынина М. Ю. (2013). Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. IX. Ч. 3 / Вахтин Н. Б., Перехвальская Е. В. (ред.). *Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки*. СПб.: Наука, 245–260.
- Пупынина М. Ю. (2016). Чукотский язык // *Язык и общество. Энциклопедия*. М.: Азбуковник, 565–569.
- Пупынина М. Ю. (2018). Особенности колымского варианта чукотского языка // *Вопросы языкознания*. № 3. 112–127.
- Скорик П. Я. (1961). *Грамматика чукотского языка. Часть первая: Фонетика и морфология именных частей речи*. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Скорик П. Я. (1977). *Грамматика чукотского языка. Часть вторая: Глагол, наречие, служебные слова*. Л.: Наука.
- Тауныуыл Луканэн, елыълатъё лыгъоравэтъяельмэл, калейпатъё ачгыта русильин Синодалъэн елыъаткажк рээн (Евангелие от Луки на чукотском языке с параллельным русским Синодальным переводом)*. (2017) / Переводчик: Куликова И. В. Филологические редакторы: Выквырагтыргыргына Л., Тальпыгыргына Д. Г. Богословский редактор: Сычев С. Н. М.: Институт перевода Библии.
- Тауныуыл Луканэн*. (2003) / Куликова И. В. (пер.), Тынеру Е. И., Кымытваль А. А., Кергинто А. П. (ред.). М.: Институт перевода Библии.
- Bogoras W. (1904). *The Chukchee – Material culture*. Leiden: E. J. Brill; New York: G. E. Stechert & Co. (Publications of The Jessup North Pacific Expedition, vol. VII. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. XI. Part I. 1–276.)

- Bogoras W. (1907). *The Chukchee: – Religion*. Leiden: E. J. Brill; New York: G. E. Stechert & Co. (Publications of The Jessup North Pacific Expedition, vol. VII. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. XI. Part II. 277–536.)
- Bogoras W. (1909). *The Chukchee: – Social organization*. Leiden: E. J. Brill; New York: G. E. Stechert & Co. (Publications of The Jessup North Pacific Expedition, vol. VII. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. XI. Part III. 537–733.)
- Bogoras W. (1910). *Chukchee mythology*. Leiden: E. J. Brill; New York: G. E. Stechert & Co. (Publications of The Jessup North Pacific Expedition, vol. VIII. Part I. Memoir of the American Museum of Natural History, vol. 12, part 1.)
- Bogoras W. (1917). *Koryak texts*. Leyden: E. J. Brill; New York: G. E. Stechert & Co. (Publications of the American Ethnological Society, vol. V.)
- Bogoras W. (1922). Chukchee. In Boas F. (ed.). *Handbook of American Indian languages 2*. Washington: Government Printing Office, 631–903.
- Comrie B. (1996). Language contact in northeastern Siberia (Chukotka and Kamchatka). In Jahr E. H., Broch I. (eds.). *Language contact in the Arctic: Northern pidgins and contact languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 33–45.
- Dunn M. J. (1999). *A grammar of Chukchi*. Australian National University. (Unpublished PhD thesis.)
- Dunn M. (2014). Gender determined dialect variation. In Corbett G. G. (ed.). *The expression of gender*. Berlin: Mouton de Gruyter, 39–67.
- Fortescue M. D. (2003). Diachronic typology and the genealogical unity of Chukotko-Kamchatkan. In *Linguistic Typology*, vol. 7, № 1, 51–88.
- Fortescue M. D. (2005). *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. (Trends in linguistics. Documentation 23.)
- Kämpfe H.-R., Volodin A. P. (1995). *Abriß der Tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Kozinsky I. Š, Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. (1988). Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object. In Shibatani M. (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam: John Benjamins, 651–706.
- Krause S. R. (1980). *Topics in Chukchee phonology and morphology*. University of Illinois. (Unpublished PhD thesis.)
- Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. (2001). *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. M. (Unpublished ms.)
- Nedjalkov V. P. (1976). Diathesen und Satzstruktur im Tschuktschischen. In Lötsch R., Růžička R. (hrsg.). *Satzstruktur und Genus Verbi*. Berlin: Akademie Verlag, 181–211. (Studia grammatica, vol. XIII.)
- Nedjalkov V. P. (1979). Degrees of ergativity in Chukchee. In Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London: Academic Press, 241–262.
- Nedjalkov V. P. (1994). Tense-aspect-mood forms in Chukchi. In *Sprachtypologie und Universalienforschung*, vol. 47, № 4, 278–354.
- Nedjalkov V. P. (2007). Reciprocal constructions in Chukchi (with an appendix on Koryak). In Nedjalkov V. P. (ed.). *Reciprocal constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1677–1714. (Typological studies in language, vol. 71.)
- Nedjalkov V. P., Muravyova I. A., Raxtilin V. G. (1997). Plurality of situations in Chukchee. In Xrakovskij V. S. (ed.). *Typology of iterative constructions*. Munich: LINCOM Europa, 310–329.
- Polinskaja M. S., Nedjalkov V. P. (1987). Contrasting the absolutive in Chukchee. In *Lingua*, vol. 71, 239–269.
- Radloff L. (1861). *Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältnis zum Korjakischen*. St. Petersburg.
- de Reuse W. J. (1994a). English loanwords in the native languages of the Chukotka Peninsula. In *Anthropological Linguistics*, vol. 36, № 1, 56–68.
- de Reuse W. J. (1994b). *Siberian Yupik Eskimo: The language and its contacts with Chukchi*. Salt Lake City: University of Utah Press. (Studies in indigenous languages of the Americas series.)
- de Reuse W. J. (1996). Chukchi, English, and Eskimo: A survey of jargons in the Chukotka Peninsula area. In Jahr E. H., Broch I. (eds.). *Language contact in the Arctic: Northern pidgins and contact languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 47–62.